

Джек Ойл

Моряцкие истории не по детски

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Джек Оил

Моряцкие истории не по детски

<https://litres.ru/73868258>

SelfPub; 2026

Аннотация

Самый идеальный дом в мире - это каюта - уверен шизоидный автор, который 20 лет и более бродяжил по самым разным морям и уголкам Шарика.

На самых разных пароходах, от ржавых шушлаек до суперсовременных балкеров.

Под десятками флагов, - от Антарктиды до Полярки, тропики и вся Папуасия вообще как вторая родина.

Есть что рассказать.

Собраны непридуманные и не оцензуренные морские истории и рассказы. Про настоящую моряцкую жизнь корабляцкую, не про причёсанных выставочных персонажей.

Сюжеты морской жизни - всё как есть, по чесноку.

Читать истории маслопупа про моряков и морячек всегда интересно и увлекательно.

Убедитесь сами!

Содержание

ВВОДНЫЙ ЭКСКУРС. Так, для понимания	4
МОРСКОЙ СВЕРХЧЕЛОВЕК. Скрытый потенциал, пробуждение	25
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Джек Оил

Моряцкие истории не по детски

ВВОДНЫЙ ЭКСКУРС. Так, для понимания

Предисловие вкратце

Это подборка морских историй, характерных для невыдуманных моряков, не окультуренных и не «прилизанных». Эти невыдуманные моряки имеют такое же право на существование, как и множество их сказочных коллег — взятых с потолка и «отполированных» литературных экспонатов. Цензуры нет, запретных тем нет. Язык повествования прост и понятен. Диалоги персонажей далеки от литературного, говорят они на языке нормальных людей.

Кажущаяся занудность настоящего «Вводного экскурса» пусть не введёт в заблуждение. Это всего лишь самая пер-

вая глава для общего понимания, но её желательно не пропускать. Раскрытые здесь смыслы идут контекстом через все последующие главы, как бы ни различалось их содержание, а это непременно случится.

Местами вы будете читать эпизоды, не только пикантные, но и совершенно бесстыдные, можно сказать, до неприличия развратные. Некоторые сюжеты заставят застенчивого человека захлопнуть книгу со словами: «Это просто чудовищно!» Иные главы повествуют о событиях, которые руют не только прописные стандарты, но и целые общественные парадигмы, то есть для «приличного общества» просто «возмутительны». Посему разного рода «добропорядочным», «пристойным» и «обликоморальным» автор настоятельно рекомендует от чтения воздержаться.

Весь материал структурирован и средактирован как лёгкое чтиво, и это удалось — читается на одном дыхании. Но есть такие внесюжетные эссе, которые заставят задуматься. Не стоит пугаться, это относится только к тем, кто имеет некий внутренний запрос. Только запущенный в его диапазоне резонанс заставит задуматься. В любом другом случае — просто читайте, отдыхайте!

Непридуманные морские истории

Автор — из тех людей, которые смотрят кино про море и пароходы только с одной целью — от души поржать. Над диковинными обстановками, причудливыми персонажами и дуболомами, всё это создававшими. Неужели так трудно пригласить знающего человека, который бы предостерег этих создателей от создания феноменальных кринжей? Ну не увеличивается скорость судна ручкой телеграфа! Ну не запускается двигатель рубильником на 220! Капитан никогда не крутит штурвал, уж тем более не на шутку у*ираясь. Для этого на мостике стоит вахта «матрос-руль», который по командам, играючи, поворачивает джойстик управления, на каких-то судах выполненный в виде исторического штурвала.

А если вы видите, как в сумрачном машинном отделении сыплются откуда-то искры, вырываются непонятные клубы пара, слышен железный скрежет и странные звуки, знайте: вахтенный механик с мотористом тронулись крышей и пошли распиливать котёл напильниками. А в это время сумасшедшие матросы танцуют «яблочко» по палубе. Другие причины просто неведомы.

Если без отвлечений от основного экскурса, то это подборка действительно невыдуманных историй, каких случилось в море, на стоянках, в ремонтах и прочее немало. Это морские истории прямо из первых рук, в самом реалистичном и некорректируемом виде. Прилизывать и подгонять материал под изысканные стили не буду, дабы момент выдуманности, как раз, не возымел места.

События и персонажи не оцензурены, сюжеты под благообразие не подогнаны. Всё как есть, прямым и открытым текстом. Будет интересно. Но это потом. Для начала — краткий экскурс, можно сказать, в отдельный, в закрытый мир, в пространство цвета морской волны, пропитанное солью, ветром, тоской, любовью, свободой и романтикой.

Детская мечта и реальность. Новая жизнь

Однажды я, будучи молодым человеком 19 лет от роду, успешно окончившим «Бурсу» (*мореходку*) на Маслопупа (*судомеханический факультет*), пошёл в море, в свой самый первый рейс. Он был прекрасен, как лучшая из песен. По приходу меня встретила мама с цветами. Мои родные в честь моего прибытия устроили банкет. Я был героем, покорителем океанов. Ещё бы: за этот контракт я пересёк океан туда

и обратно, повидал много чего и кого, от Сингапура до Ванкувера.

Так и началась моя морская карьера. С последующими контрактами я чувствовал себя более по-домашнему уже именно в море. Комфортней, что ли. Теперь в любую каюту, на любой пароход я приходил как в свой мир — привычный и понятный. В котором меня приветливо встречали привычные и понятные люди. Такие же сумасшедшие, склонные к бродяжничеству авантюристы. Живущие месяцами среди необъятной воды, морские бродяги, неисправимые романтики. Можно сказать, началась новая жизнь. Или закончилась прежняя.

А случилось это в стародавние времена, когда бодро шагала по стране Перестройка. Или, как больше принято, в «лихие 90-е». Или же «при Ельцине». Или «при развале совка», в общем, как больше нравится. Возможно, и так: при реанимации почившего двуглавого пернатого и всех остальных музейно-нафталиновых царских причиндал, включая и короны на двух головах мутанта.

Эти головы, изумлённо открыв клювы, по сей день так и взирают на всё происходящее с диким недоумением. Ведь это было ещё и начало Величайшего Разграбления распиленной империи. Мда... Можно только догадываться, что бы мы

сейчас слышали, уме́й эти клювы говорить. Но лучше не надо. Смею полагать, все догадываются.

В общем, всё как в песне: «Мы будем жить теперь по-новому». Кто во что и кому как нравится, вот это были времена! Романтика! Но для морских людей все эти определения — про совки, про ельциных, про 90-е и т. п. — были если не совсем пустыми звуками, то несколько отдалёнными, как из параллельного мира. Нет, конечно, этот береговой мир всегда был очень даже рядом, куда ему деться. Но как-то параллельно. Ничего удивительного в этом нет, когда ты проводишь в этом, «береговом» мире, два, от силы три месяца в году, или того меньше.

Порой, не дожидаясь завершения немислимого отпуска и не истратив деньги, ты вдруг чётко понимаешь: хорош, уже пора сваливать отсюда! Ибо внутренний голос твердит всё увереннее: «Да е*ись оно конём, мутное бордельеро, давай уже в путь? В нормальный, привычный и понятный мир. На пароход, домой...» Родные и близкие люди, в такие моменты, меня всегда понимали. Черета контрактов, пароходов и компаний уже стала привычной рутинной. Как и, непохожий на всё обычное, уклад жизни моряка — он тоже стал естественным и нормальным. «Ну да, у ненормальных всё всегда нормально» — так порой, в шутку, оценивала малопонятные моряцкие повестки моя мама.

Сегодня здесь — завтра там

Далее всё по накатанной. Этикие приятные хлопоты. Прощёл комиссию, продлил фантики (*сертификаты-дополнения к рабочему диплому*), если нужно — сделал новые. Готов. Теперь найти контракт! И в тебе просыпается охотник. Если есть открытые позиции в компаниях, где уже работал, и на руках приличные testimonials (*отзывы*) — это хорошо. Но так не всегда — чаще нет открытых, и предлагается подождать несколько месяцев до завершения контракта у сменщика.

Но зачем ждать, когда есть другие компании, которые уже опубликовали на морских сайтах свои предложения? Но и там не всё так просто. Безусловно, есть вакансии «проходные на раз-два»: сегодня созвонились — завтра можешь вылетать на работу. Как правило, это «известные» конторы с пароходами-дровами и копеечными зарплатами. Обычно китайские, индийские, русские. Об этих даже не говорим. Подписывая контракты с плохими компаниями, моряки обрекают себя на настоящее рабство. Плавали, знаем. (*Слово «плавали» нарочно не изменено на «ходили» для понимания.*)

Речь только о приличных, престижных компаниях, в которых ценят и свою репутацию, и моряков. Где действительно высокие зарплаты. Где новые суда имеют самое современное оборудование, а высшую ценность имеют жизнь и безопасность экипажа. Как правило, это большие международные компании. Бинго — это под английский флаг, куда попасть наиболее сложно. Но, как было сказано, там ценят моряков.

Профессионализм, образование и опыт работы, подтверждённые, открывают дорогу любому. И только это. Ни связи, ни деньги здесь не работают — здесь это просто мусор. Ты летишь на такой контракт работать, не обучаться и не задавать много вопросов. Принять дела и полноценно приступить к выполнению обязанностей по обеспечению безаварийной работы вверенных тебе механизмов и систем компании. Всё. *Otherwise go home (в ином случае езжай домой)*.

Пардон, ребята. Как можно было упустить такую важную деталь, как английский? Он не столько очень важен, сколько вообще уверенно разместился на первом месте. И только за ним всё остальное. Ибо нет английского — так нет и всего остального. Такая вот диалектика. Этот фактор не был сразу озвучен потому, что английский подразумевается как нечто непреложное, по умолчанию. Если короче: ещё на стадии обращения, при коммуникации с любым представителем компании — по почте, по скайпу или телефону. Вид связи не

важен, он может быть любим, но ты пишешь и разговариваешь совершенно свободно. И только это — твой проходной билет. Всё остальное потом.

Ура! У меня есть парход

И вот заветное событие: ты наконец-то получаешь контракт! Есть судно, есть электронный билет, есть дата вылета, есть данные агента, который тебя встретит. Всё! Это nirvana. Ведь перед тобой новая жизнь, без преувеличения. Каждый новый контракт и каждое новое судно — это как новый отдельный мир со своими обитателями, своим пространством, своей романтикой, своей ментальностью и прочее. И это не на одну-две недели, это не на месяц, это гораздо дольше. Эта смена сцен и декораций всегда завораживает и притягательна. Ты точно знаешь: ты увидишь нечто новое, много. Возможно, ты увидишь порты и страны, в которых ещё ни разу не бывал. Себе поставишь виртуальные галочки, а близким купишь заморских подарков. Но с каждым контрактом таких мест становится всё меньше и меньше.

А возможно, ты ещё раз побываешь там, где хотелось бы остаться навсегда. Да, такие места есть, немало. А возможно, по грузовым маршрутам тебе выпадет кругосветка или

ты пройдёшь пролив Дрейка. А это — самооценка в плюс и законная пиратская серьга в левом ухе. Да и вообще, событие для любого моряка. Ведь экватор — это так, по-серенькому, многие его ещё на практике проходят. Вот для жирной галочки, можно зайти в Антарктиду, посмотреть на пингвинов. Но такая удача, надо сказать честно, выпадает нечасто. Ходят туда только научники и рыбаки за клыкачом и крилем. Автору повезло: стоял там в айсбергах на рифере (*морозильный рефрижератор*) с пару месяцев, принимая криль (*расскажу*).

Романтика FOREVER!

Замечено: когда в общении с людьми, по какой-то причине, выявляется сфера твоей деятельности, это всегда вызывает интерес. Морские истории нравятся всем. Но вот в чём прикол: моряков чаще всего путают с туристами или путешественниками. Причём с богатыми! То, что у «тебя куры не клюют», вообще никогда и ни у кого не вызывает сомнений. Видеть удивлённо-недоверчивые лица собеседников, излагая тему по сути, всегда забавно. Но это и жестоко, наверное. Ведь рушить стереотип индивида, далёкого от всего тебе предельно понятного, это всё равно, как если взять индивида и водить его носом по батарее, туда-сюда. Неприятно, наверное.

Люди порой даже мысли не допускают, что моряк — это прежде всего труженик, впахивающий без выходных по полгода в условиях, из которых уже на второй день сбежал бы каждый третий. Бывают контракты, когда в силу разных причин ты сходишь на берег раз в два-три месяца. Бывают такие, что вообще без берега. Разные. А бывают (*бывали*) и такие контракты, где ещё на первой стадии даже бывалые и тёртые моряки понимают: ну пц, попали. И какие разные бывают пути решения... ох, разные.

По деньгам тоже по-разному, очень по-разному. Как писал выше, только на контрактах в серьёзных международных компаниях вопрос зарплаты не тревожит. Скорее радуется моряка, и его близких. Но такие контракты надо заработать. Автор тоже работал в приличных компаниях не всегда, не сразу. Каких только дыр не повидал, и полулегальных, и полубандитских, на каких только дроволётах не экстремалил, место которым то ли в музее, то ли в проруби. Ещё та «романтика», незабываемая.

Чего только стоят остатки некогда престижной рыбопромышленной отрасли. Великий развал коснулся и её, неизбежно. До сих пор (!) плавают ржавые посудины (*ибо своё давно отходили*), запросто сбрасывающие льяла и sewage (*микс протечек и канализации*) прямо за борт. Пишу без малейшего стеснения, как и обещал, всё как есть. Не вдаюсь во мно-

гие детали, но многие моряки уже бы догадались, в каком регионе такие искать. Дальний Восток. Как говорится: «Плавали, знаем».

В сторонке, далёкой от Европы и «нерусских порядков», и правила другие. У автора, хоть и давний, но весьма богатый опыт работы в разных компаниях далёкого региона. Плавающие ржавые посудины, не соответствующие документам ИМО (*International Maritime Organization*), которые попадают под арест в первом же порту — там в порядке вещей. Они довольно уверенно чувствуют себя в «домашнем» регионе: Китай, Япония, Корея. Туда идёт, в основном, ценный ресурс — лес и рыба. Видимо, это обстоятельство вносит серьёзную корректировку в хитрые азиатские соображения целесообразности. На такие мысли наводят виды лесных терминалов в Японии и Китае: гектары Родины там лежат аккуратными рядами по 15–20 шаров (*рядов*) до горизонта.

Что касается Охотского моря, Курил, Сахалина, Камчатки — вообще без комментариев. Охарактеризовать весь тамошний флот можно фразой одного стармеха: «Гордись, бля, на музее работаем!» В общем, из флота выжимается всё, часто игнорируя и правила эксплуатации, и сроки ремонта. Насмотрелся, и не только на это. Отношение к людям в отдельных конторах не менее отвратительное: начиная от копеечных зарплат и заканчивая снабжением, питанием, условия-

ми на судне. Переработки практически нигде не оплачивают. Даже если у людей «пятки горят» сутками — заикаться про овертайм не то что бессмысленно, многие серпасто-молоткастые головы принимают это как совершенно дурной тон и личное оскорбление.

Однако. Немного отвлеклись от романтики. Но такие экскурсии для полного понимания темы неизбежны. Как говорится: «Где А, там и Б... да и вообще, озвучьте весь алфавит». Весь он слишком длинный, поэтому частично. Но так и получилась отдельная глава. Она называется: «Потонет — да и *уй с ним!» Читайте, и знакомство с живой, захватывающей морской романтикой ждёт вас впереди!

Будь профи — и будет тебе счастье

Романтика — это здорово, но твоя ценность как моряка — не в ней, а в твоём профессиональном уровне. В международных компаниях ты, помимо прочего, повышаешь и свой профессионализм. Работа на судах здесь строится на международных стандартах. Любая переработка учитывается и оплачивается. Переработка сверх норматива овертайма может послужить причиной объяснительных, ибо для офиса это выглядит как ЧП.

Наработка часов механизмов ведётся скрупулёзно, и лю-

бой *overhaul* (*ремонт*) выполняется всегда (!) вовремя, строго в соответствии с заявленным объёмом, с предельно чётким соблюдением замен, с документацией и отчётностью. Такой подход дисциплинирует и даёт бесценные навыки. Работа на новом оборудовании, тем более, способствует повышению квалификации и навыков.

Я помню, как впервые попал на новейшее судно с классом автоматизации UMS (*Unmanned Maritime Systems, безвахтенное обслуживание*). Это был греческий балкер. В яме (*в машинном отделении, или МО*) вместо привычных тумблеров и кнопок в панель управления встроены сенсорные дисплеи с управлением по касанию пальца. Термометры, манометры, тахометры и прочее в ЦПУ (*центральный пост управления*) — тоже дисплеи/сенсоры. Новый, на тот момент, тип судна с незнакомым оборудованием и системами управления. В общем, попал. Ну ничего, уже через пару недель чувствовал себя как рыба в воде. Немало помог тогда и однокашник по бурсе, который уже работал вторым механиком. Костя, салют!

Было непросто поначалу. Впрочем, всё как обычно. Похожая практика всегда повторяется, когда ты прилетаешь на новое судно. Тем более, когда это вообще другой тип судна, отличный от тех, на которых ты уже успел поработать. Первую неделю, минимум, ты проводишь в каюте от силы 3–

4 часа в сутки, только чтобы поспать. Всё остальное время ты в МО. Помимо того, что стоишь свои вахты, ты пролазишь на пузе все трубопроводы систем, поочерёдно, чтобы понимать, где какая труба и куда, где какая арматура. На своей вахте, первое время, ты можешь рассчитывать на помощь деда (*стармеха*). Что-то он подскажет, покажет. Но основное — всё сам, сам.

На вахтах других механиков ты знакомишься с механизмами и системами по их заведованию. Пуск, обслуживание и все нюансы. Это важно. Важно не в плане собственных амбиций. Ты понимаешь, что ты — звено большого и опасного объекта в тысячи лошадиных сил и десятки тысяч тонн. От твоих действий, читаем: знаний, зависит безопасность — и людей, и судна, и груза. А ещё и других судов и их экипажей. Да и портовых сооружений тоже. Так было на флоте во все времена.

Общий нарратив присутствует не только в продвинутых компаниях, ответственность одинакова на любом судне, любого тоннажа. Но когда ты в смешанном экипаже специалистов из разных стран, на судне, где все действия экипажа уже слажены и выверены, ты просто не можешь позволить себе не соответствовать общим критериям. Без вариантов! Поэтому да, первую неделю, а то и две, ты просто живёшь в машине. Это на любом новом судне так получается. Если ты

хочешь быть по-настоящему профи и дальнейший контракт работать спокойно и уверенно.

А сумка, с которой ты прилетел, всё это время так и стоит в каюте неразобранная, за исключением щётки, зубной пасты и всех вещей первой необходимости. Да какая там сумка, когда ты практически в робе и спишь на нерасстёланной шконке. Какое-то время не до комфорта. Но время летит. Стоит только понять, что ты уже выполняешь свои обязанности полноценно, что освоил все требования, приходит чувство спокойной уверенности, которая заряжает тебя на долгие месяцы вперёд. И ты снова спокоен и уверен. Всё, ты дома.

Любимые люди всегда рядом — на любом расстоянии

Момент разлуки. Да, он есть. Но со временем ты понимаешь, что это только иллюзия, пустая и бессмысленная. От слабости и неуверенности. Некий атавизм инфантильности у взрослого. Самое примитивное чувство утраты источника твоего спокойствия и комфорта. Чувство совершенно эгоистичное, родом со времён первобытно-общинного строя, когда всё это и имело смысл. Чувство, которое так и осталось в мозгах, как неудаляемая по умолчанию прога. Но море, вся специфика долгого там пребывания, как и всякая другая,

нетипичная для ординарного мозга среда, меняет его (*мозг*). Запросто удаляя «устаревшее ПО» и форматируя отдельные его участки, где когда-то были страхи, фобии и т. п.

Более того, мозг — этот кладёзь полезнейших программ, этот сверхпродуктивный процессор, эта немислимых объёмов флешка — признаёт тебя... своим хозяином. Этот шедевр биоинженерии всегда усиленно пытался и пытается быть тобой, всячески убеждает тебя, что ты — и есть он (*мозг*). Но ты никогда им не был. Ты понимаешь. Тебе незначем. Это просто твой инструмент, классный и уникальный — но инструмент. Твой.

Инструмент, который именно ты ставишь на место, будучи выше. Именно та твоя Внутренняя Суть, имя которой — не из слов и букв. Неважно. Но именно это и есть Настоящее, животворящее, непреходящее. Именно там покой, где нет ни чувства утраты, ни чувства разлуки. Там ты понимаешь, что где бы ты ни был, на любом расстоянии, в любой момент времени, нет ближе никого и ничего, чем душа, которую ты любишь. И свидетельство тому — покой в твоём Сердце.

Это слово, в данном контексте, не есть определение органа, но приведено как словесная форма квинтэссенции всего, что не вмещается в «простое и понятное». Что за пределами

любых словоформ, что необъяснимо. Ибо речь о том, что может только чувствоваться и «осязаться» на совершенно других уровнях, нежели всем био-инструментарием. Что, тем не менее, не мешает этому просто быть. Это просто ЕСТЬ. И это знает каждый. И это даёт понимание: где бы ты не был, на любом расстоянии, в любой момент времени, нет ничего ближе, чем любимая душа.

Всё, что у тебя в Сердце — лучшее свидетельство и лучший маркер всего. И это, на самом деле, так. Когда ты позволил видеть и слышать, стать и быть тобой не глазам-ушам-мозгам, но Сердцу. И когда ты знаешь, что в нём Любовь и оно открыто (*именно открыто, безусловно и без остатка*), то ты уже не жалкая «страдающая отдельность», но часть всецелого. Где нет места сомнению или опасению, нет даже подобных ассоциаций. Ибо нет «отдельностей», но есть единосущее, кое преисполнено и преизбыточно. Сложно? На самом деле, не очень. Стоит только открыть Сердце. Как это? Читайте, некая трансцендентальная трансформация личности, которой подвержен моряк, описана в кратком обзоре, вполне доступным языком.

Ты всегда здоров — в любой момент времени

Здоровье — это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только

отсутствие болезней или физических дефектов, согласно определению Всемирной организации здравоохранения.

Да, формулировка «удобоварима», в повестке усреднённого восприятия очень даже понятна. На самом деле, это набор «наклеек», если приблизить предмет предельно. Предмет оказывается прост и далёк от всего на него наклеенного. Твоё здоровье — это, всего лишь, отсутствие в голове любых мыслей о нём. О физическом, душевном, социальном и всём остальном. Как некое самоосознание в «Великой Пустоте». Там, где нет никаких твоих свойств, но только Ты есть. Вне «прошитых» в голове программ, вложенных от рождения или обрётённых. Вне любых «мирских» парадигм. Вне «картинок» этого мира, как таковых.

Но ты всегда там, где все эти «картинки» ты можешь создавать и перекрашивать, как тебе нравится. Там — это дальше твоего «био-процессора» (*мозга*). Это дальше и выше всего, что ему доступно. Это в твоём открытом Сердце. Где ты пребываешь в единстве всего сущего. Где нет даже отождествления «возможно/невозможно». Потому что: «Всё, чего бы вы ни просили в сердце своём, уже исполнено» (*из священных писаний*). Но как понять это? Как вообще понять многие вещи вне пределов «био-процессора» (*мозга*)? Это что, только морякам можно? Хороший вопрос. И есть хорошая новость: это легко, и это доступно всем!

Это возможно только в одном случае — быть самым с собой предельно честным. Предельно, не обходя «неудобное» какими-то сложносочинёнными, удобными путями. Даже если надо пройти по навозу — неважно. Но важно сделать это ровно и прямо, как по рельсам, не петляя. Честно. На этом пути найти ответы и очиститься таким образом — от внедрённых в тебя «программ» и всех «наклеек». Иначе всё, что ты доселе обходишь, так и будет лежать на месте, в виде какой-нибудь фобии или страха. От которых и отрастают болячки. Нельзя позволять! Честность с самим собой — это не только залог душевного равновесия и покоя в Сердце. На этом, закономерно, строится и вся твоя база. Именно ТВОЯ, которой ты можешь управлять. Как йог процессами. Как Терминатор энергией.

Когда ты понимаешь суть вещей, именно, по-настоящему, без примесей и интерпретаций, сгенерированных в недрах мозгов, в виде анализов, сомнений/сравнений, размышлений — когда ты просто уничтожил эту генерацию вместе со всеми мыслями, по сути, вместе с их генератором, и оставил только одну, непреходящую голую Суть, не в виде слов, но некоего совершенного внутреннего понимания, — тогда ты стал хозяином положения. Именно об этом говорится: «быть самым собой».

Дальнейшие явления — малопонятно на уровне этой мерности, как работают. Но, возможно, это и не столь важно. Главное — сами по себе «нетипичные» явления не только присутствуют, они есть определённый, доказанный факт. В том числе и твоими личными практиками. Когда твоё тело и твой организм начинают подчиняться уже не законам природы/медицины, но Тебе, твоим текущим запросам/интересам. Это наблюдалось на протяжении не одного контракта, не одного инцидента. Со временем это обстоятельство стало привычной закономерностью и перестало удивлять. И как это, всё-таки, работает, спросите вы? Ок, расскажу, прямо в следующей главе.

МОРСКОЙ СВЕРХЧЕЛОВЕК.

Скрытый потенциал, пробуждение

Многим известны факты (*именно факты*), когда люди, находясь в экстремальных ситуациях, обнаруживают удивительные способности. Это ещё называют освобождением скрытого потенциала. Интернет изобилует подобными инцидентами. Наверняка у многих читателей есть такие истории. Может быть, кто-то знает истории покруче, чем те, что я описываю здесь. Признаться, ничуть не удивлюсь. Но приведённые здесь откровенные факты — это не просто истории, это проникновение за «периметры сознания». Это касание «тайн мироздания», которые, на самом деле, не столь замысловаты, если не воспринимать их на тривиальном уровне «прошитых программ».

В прозаичности береговых будней это невозможно, ибо вся их прозаичность задана совершенно чёткими «правильными таблицами» этих «прошитых программ». Выход за которые означает лишь одно — «неправильность». Чуть ли не «шизоидность», или «чокнутость». Но эта чокнутость, за рамками «прошитых программ», воспринимается не иначе как аплодисменты! Только освободившись от «таблиц», возможно понять, что происходит вне «таблиц», — это аксиома. Доказанно автором, который провёл в море столько вре-

мени, что заслужил просто несмолкаемые аплодисменты.

«Нетипичный» скрытый потенциал

Наличие этого, так называемого, скрытого потенциала не вызывает никаких сомнений. Как всё работает — со временем и опытом тоже становится понятно. Умозаключения? Нет. Самые очевидные понимания, которые могут показаться очень нетипичными (*мягко говоря*). А зря. Наша жизнь изобилует нетипичным. Но вдумаясь в это слово. Некоторые «нетипичные фрагменты» бытия не попадают под понятные и привычные определения. Как же так? Так вот в чём ирония: этим фрагментам и не нужны никакие понятные и привычные определения. «Нетипичные фрагменты» ничуть не страдают без понятных определений. Чего не скажешь о «типичном» (*или «правильном»*) «био-процессоре» (*ординарном уме*). Который, в попытках осознания «нетипичного», как мантру повторяет: «Нет, нет, это нетипично, и это неправильно... Этого не может быть... И этого не должно быть...» После чего перекладывает всё безответное в папочку «Шизоидные глюки» и, довольный собою, обретает покой. Ещё плотнее утрамбовав «бетонные стены» своего «периметра».

Давняя история. Но роль её бесценна

История не совсем из рубрики «морские истории», действие происходило на берегу. Но все предшествующие события непосредственно связаны с работой на судне. А все причинно-следственные связи финала этой истории связаны с морем и пароходами самым крепким узлом из существующих. Автору этой статьи в своё время была подарена встреча с одним прекрасным Доктором. Настоящим целителем. Меня, тогда ещё молодого парня, мама только забрала из больницы, и я не мог ходить. Дальнейшая перспектива тоже выглядела печально. Мама обратилась к знакомому Доктору. Он изучил историю и согласился с заключением больничных врачей. Их вердикт состоял в том, что после лечения я смогу ходить только с костылями, в лучшем случае с палочкой.

Да, ознакомившись с выводами коллег, Доктор с ними согласился. Но негромким голосом, делая паузы, он сказал: «Всё так, всё так... По всем обследованиям так и выходит, как тебе сказали. Поэтому да, готовься к костылям, а про море, конечно, придётся забыть».

Немного погодя он добавил: «Знаешь, я всегда отталкивался от классической научной медицины. Но вот в чём дело: есть случаи полных выздоровлений безнадежных больных, когда никто не знает ответов. И таких случаев много.

Когда вся медицина не может ничего объяснить».

И после небольшой паузы: «В общем, из всей своей многолетней практики я понял вот что. Все таблетки, уколы и прочие процедуры — это только 10% твоего выздоровления. Остальные 90% здесь, — он прикоснулся указательным пальцем к голове, — и чем здесь сильнее, тем больше у тебя шансов».

Огромную поддержку мне дали близкие. Они верили в меня без оглядки, и это был мощнейший импульс. Но в значительной степени подняли меня слова Доктора. Потому что они зашли не как информация, а в сильном резонансе с уже «горящим» внутренним запросом. Ибо нарисованная перспектива была настолько неприемлема, что всё дальнейшее существование выглядело лишённым смысла. Я не мог себе представить, что больше никогда не поднимусь ни по одному трапу ни одного судна. Никогда не будет свежего ветра и солёных брызг в иллюминатор. Ничего не будет. За слова Доктора я тогда ухватился как за спасательный круг. И держался до конца. До полного выздоровления. До нового контракта и трапа на борт без костылей и палочек.

Естественно, были и таблетки, и припарки, и прочее. Некоторые назначенные Доктором процедуры я находил совершенно бессмысленными, но добросовестно выполнял. На ЛФК ходил на костылях, благо идти нужно было всего три

квартиры. Но главное, где-то глубоко внутри себя я очень хотел выздороветь. Нет, я точно знал, что выздоровлю! И это случилось закономерно. Этот, с большой буквы, Доктор дал мне тогда больше, чем выздоровление. Это было скорее откровением очевидного существования «нетипичного», неких неведомых сил, которые ещё предстояло понять.

«Другие» среди нас? Нет, просто у «недругих» всё впереди

Что это за силы, как их раскрыть? Почему мы не пользуемся ими в обычной жизни? Ответ очевиден. Совершенно понятно, что без стрессовой ситуации никак. В режиме привычной рутины никакого скрытого потенциала не увидеть. В таком режиме просто отсутствует сигнал на его активацию. Исключение — осознанные практики. Но это другое. И это «другие» (*вышедшие далеко за аватар*). Те, кого «правильные» среднестатистические индивиды зачастую называют чокнутыми. Что, в свою очередь, говорит лишь о том, как далеко эти «другие» от таких понятных и простых «прошитых программ».

А что с «недругими», с «правильными» индивидами, обитающими строго в рамках своих заданных аватаров? У них, конечно же, всё «правильно». Ведь колоссальный ряд вещей

настолько устоялся в своём понятном «правильном» постоянстве, что любая информация о фикции этого «правильного» постоянства просто отторгается — мозги так сами себя берегут. Иначе возникнут вопросы без ответов. А тогда мозгу придётся серьёзно напрягаться, да так, что можно и «сломаться». А это противоречит основной «прошитой программе» — самосохранению. То есть недопустимо ни при каких обстоятельствах. Поэтому в «файлах» именно этой «программы» и существует папочка «Шизоидные глюки» для всего, что осталось без ответа. Но, если вдуматься, может быть, всё это и разумно? И не надо «правильным» много напрягать мозг, дабы не увеличивать количество индивидов со «слетевшей виндой».

Но дело в другом. «Винда» слетает как раз только тогда, когда для индивида его мозг и есть единственный ресурс, где он ищет все ответы. И ему не приходит туда даже мысль, насколько это не так. В итоге истерзанная «винда» просто перегревается и пускает дымок. Это понятно и объяснимо. Большой ряд вопросов, которые время от времени задаёт себе каждый, подразумевает ответы, которые просто не вмещаются в мозг. Это совсем другие разрешения. Это совсем другой диапазон частот. Для мозгов опасный.

Единственный способ постичь эти ответы, при этом сохранить мозги, — значит понять, что ты — это не твои мозги

и не то, что в них. Твоя настоящая суть не есть твои мысли. Чистое сознание, безначальное и бесконечное, присутствующее в каждом твоём дыхании, через которое ты осознаёшь сам факт своего бытия, и есть ты. Твоя настоящая суть, которая есть всегда и безусловно. Даже без имени, дат и прочих идентификаторов (*данных лишь аватара*). Без оглядки на любые обстоятельства. Та твоя чистая внутренняя сущность, именно о которой говорят: «скажи сам себе», «сам с собою как на духу», «не ври сам себе». Это и есть настоящее. Там и все ответы.

В разных традициях это называют по-разному. И это совершенно не важно. Важно то, что совершенно в разных местах, совершенно разные люди разных времён, культур и обычаев всегда совершенно одинаково знают определённые вещи. Что есть хорошо и плохо, что есть счастье, любовь, свобода. И то, что окружающая нас, так называемая, «реальность» далеко не конечна — это также знали все, всегда и везде. Ибо это очевидно. Даже для тех, кто ничего не хочет знать и ничего не ищет за пределами «периметра». Потому что этот вопрос: «А что там?» — присутствует ВСЕГДА. Во всех. И от него не избавиться. Никогда. Никому.

То, что нас не убивает, делает нас сильнее

Закономерный вопрос: «При чём здесь морские истории?» При всём. Сама специфика пребывания на контракте в море уже при всём. Бесчисленные стрессовые ситуации, зачастую неизбежные как рутина, на своём общем фоне уже перестают восприниматься таковыми. Это становится уже обыденностью. Но той обыденностью, за которой стоит постоянная концентрация и общая подсознательная готовность ко всему. Все 24 часа в сутки, на протяжении недель, месяцев. Само это обстоятельство уже «нетипично». Плюс «нетипичные» (*мягко говоря*) условия: температурный режим (*в МО до +60 °C*), постоянная качка и непрерывный шумовой фон, ограниченное пространство, ненормированный рабочий график, спартанский быт.

Нет ничего удивительного в том, что отдельные участники этого процесса, в какой-то момент, просто «перегорают». Но в этом вся соль: «перегорание» касается только «аватара». Который «не вывез» и на которого просто «забывается», как на уже лишнюю конъюнктуру. Забывается на его «прошитые проги», на его уже «вросшие в мозги установки», на все его представления о мироздании, зижденные внутри его же ограниченных «бетонных стен». После чего человек продолжает работать, как работал, и жить, как жил. Но уже

без «правильных посылов» от перегоревшего сервера. Постепенно вытряхивая из головы его обломки. Понимая, что ты — это не твой информационный двойник, понятный сам себе только через идентификаторы в «био-процессоре», зависимый от таблиц этого же процессора. Это всё равно что проснуться. Развалить «бетонные стены». Это свобода.

Если приведённые выше экскурсы кажутся несколько сложными, можно и не заострять на них особое внимание. В контексте этой главы, внимание следует уделить лишь такому факту: вышеприведённый обзор трансцендентальной трансформации не взят с подволока (*с потолка*). Конечно, в большинстве случаев это не назвать Просветлением. Это другое. Но на долгих контрактах подобное касается всех. Кого в большей степени, кого в меньшей. Кого по полной, кого мимолётно. Изначальный внутренний резонанс имеет определяющее значение. Но обретение свободы от неких «общепринятых устоев» имеет место неминуемо. Большой ряд «береговых» установок здесь бесполезен. Разного рода политическая, патриотическая, общественная и прочая перво-бытно-общинная «лабуда» в море не имеет никакого значения. Твои профессиональные и человеческие качества — это всё, что имеет значение. Лишнее, как то закономерно, «отваливается». И всё «нетипичное» становится простым и понятным.

Моряки-терминаторы

Установленный факт: на контракте, в море, риск любых заболеваний снижается в разы. Это не с подволока. Это простая статистика по экипажам, которая проверяется. И это личные наблюдения прямо изнутри экипажей, не одного и не десяти. Всё проверено на себе. На судах — те же люди, что и на берегу, конечно, не терминаторы. Но такие вещи, как простуда, грипп и разная другая зараза, на пароходах воспринимаются скорее как быстротекущее недоразумение, нежели как серьёзный прецедент на берегу. Ну не болеешь ты, пока вахты стоишь, хоть тресни! А если и прицепилась бацилла, то всегда ненадолго. Её след простывает уже через день. Мистика? Конечно нет. Всё обусловлено понятными вещами. В том числе пробуждением скрытого потенциала.

Просто в море уровень собранности всех ресурсов твоего организма в любой момент времени выше обычного. На этом уровне закономерно сыпятся привычные «таблицы», уступая место «другим» правилам, присущим именно на этом уровне. Другой уровень — другие правила, соответственные, «нетипичные». Но для тебя простые и понятные. Ведь ты уже знаешь, как всё работает. И ты, не задумываясь, «отпускаешь» это, просто не мешая, — пусть себе работает, продолжая жить в своём обычном судовом ритме. Ситуации,

в которой ты смог бы оценить слова мудрого Доктора, может и не случиться. Это даже к лучшему. Но, как говорится, никто не застрахован. Случались «нетипичные» инциденты и со мной, и не раз. Один, пожалуй, приведу.

Жуткий ожог как мелкая неприятность — исчез бесследно

Однажды, приняв дела четвёртого механика ещё на первой неделе контракта, я стоял на вахте. Мы покидали порт. Котёл, как и всё остальное, работал исправно, был только-только переведён на мазут. Но сработала сигнализация, упало давление, остановилась форсунка. Выяснил причину остановки — упало давление топлива в системе, при этом зашкалила температура в подогревателе. Не стану утомлять подробностями, далее кратко.

В общем, нужно было стравить воздух с дистанции мазутного трубопровода. Всю базу по этому котлу на тот момент я освоил, по арматуре пролез, ориентировался. Но где стравить именно этот воздух, было непонятно. Надо было решать быстро, ГД (*главный двигатель*) уже работал на мазуте, а он быстро остывал. Это был день, в машине были другие мехи с дедом. Стали думать сообща и быстро нашли спускную пробку.

Да, это не было спускным клапаном, просто пробка в виде обычного дюймового болта (*потом, конечно, переделали*). Времени не было, приотдали. Воздух свистел сквозь резьбу долго, но вышел. Вкрутить назад не успели, плюхнуло парящим мазутом, пробку вынесло. Пулей перекрыв клапана, я держал эту пробку в руках, думая, что делать. Клапана, видимо, мазут с темпером выше 100°С уже не держали, потому что он потёк, начало заливать решётки, и был кипеж.

«А хули делать, надо ставить», — я выбрал момент, чтобы воткнуть пробку и насадить хоть на нитку. Но не повезло. Как только поднёс пробку к дырке, снова плюхнуло горячим мазутом, залив всю кисть. Со второго раза, другой рукой, пробку вставить удалось. Снял перчатки, обтёр руку ветошью. Через минуту-две началась боль и трансформация на руке. Кисть с обеих сторон покрылась волдырями, некоторые тотчас лопнули, обнажив мясо. Сама кисть опухла до размеров боксёрской мини-перчатки. Народ смотрел на меня, соболезнуя. Кто-то крикнул: «Дуй к старпому!» Я подумал: «Всё, пи*дец контракту».

Обмотав кисть бинтом из аптечки МО, прошёл к старпому. Руку засунул в отстёгнутый клапан комбеза. В карман не влезала. Светиться нельзя. Одно обстоятельство я не упомянул: это было судно греческой компании. На судне находил-

ся греческий Superintendent компании (*механик-наставник или флагманский механик*). Спалиться ему было зело чревато. Во-первых, go home было обеспечено безусловно. Во-вторых, это конкретное ЧП, тень на мои профнавыки, на соблюдение ТБ, на дальнейшую карьеру, на крьюинг, в конце концов.

В таких думах дошёл до старпома. Рука жутко болела, кружилась голова, спотыкался. У каюты минуты три просто просидел под переборкой, чтобы отойти от головокружения и сфокусировать зрение. Старпом на судне ведаёт, помимо всего, медициной и вроде как доктор. О таких инцидентах ему положено докладывать. Старпом был русский, свой. На положено было наложено. В немалой степени и потому, что, включив всё своё немислимое красноречие, как только мог, я его убеждал, что это полная *уйня.

Он дал мне какой-то спрей от ожогов, бинты и обезболивающее. Я пошёл в каюту, вымыл и обработал кисть. Она была ужасна. Посмотрел в зеркало. Лицо изменилось, больше походило на череп, обтянутый кожей, цвета белой простыни. Я подумал о том, чтобы всё-таки пойти сдать *написать рапорт на списание по здоровью*). Но в следующее мгновение подумал о том, что прилетел на контракт всего с неделю назад. И с моей стороны было бы крайне неприлично так обоссаться. Особенно перед теми, кто остался ждать меня

дома. Перед теми, кто на меня рассчитывал и в меня верил.

Я привёл себя в порядок. «Ничё, вывезу», — и пошёл достаивать свою вахту. Коллеги смотрели на меня вопросительно. Я постарался выглядеть бодрее, сообщая им о том, что ожог — полная *уйня. Но они всё видели, поэтому позитивчик не сработал. Те же сочувствующие взгляды. Дед только сказал: «Ты же смотри, перед суперинтендантом не светись». Мы ещё говорили на эту тему. Народ более склонялся к тому, что нужно в больничку, пока недалеко от берега. Иначе где-то в море пойдёт обострение, и тогда точно пц.

«Не знаю, что помогло», — так бы сказал береговой обыватель, когда обширный ожог всей кисти сошёл бы на нет меньше чем за неделю. Так не бывает. Обычно это от двух до четырёх недель процедур под наблюдением врача (*по Гуглу*). Только я знаю точно, что помогло. Это может удивить. Но это так. Помогло то, что на этот ожог, как на таковой, было просто забито. Именно так, большим болтом. Он не обдумывался и не обсуждался. Его как будто вообще не было. Он подвергался обработке старпомовским спреем два раза в сутки после вахты и всё. Остальное время его просто не существовало. Именно так, не до него было, от слова совсем. Видимо поэтому от него не осталось даже следа, от слова совсем.

И другой немаловажный момент — включение скрытого

потенциала. Это происходит, когда невозможность последствий инцидента, предельно осознанная, закономерно предопределяет полное отрицание самой причины. Отрицая её на том уровне, где зиждется неведомая для «био-процессора» основа всех возможных причин. И тогда даже наличие самой этой причины уже неважно. Потому что уже пошёл сигнал с «высшего блока управления», который даже вне иерархии «таблиц», ибо способен стереть и сами эти «таблицы». Посыл от Сознания. Абсолютный и безусловный — прямоком в центральный «био-процессор». Посыл вполне конкретный — уничтожить нахер сраную болячку. Мозги послушно запускают процесс и фокусируют ресурсы. Через самое короткое время этой болячки нет. Так работает. Проверено.

Инсульт прошёл без докторов

Это очень похожая история. О том, как у бункерного матроса прошли все последствия перенесённого инсульта. И от самого инсульта не осталось и памяти. По сути, произошло то же самое. Некое осознанное понимание сути вещей, дальше вибрация, созданная и воспринятая вне диапазона рецепции «штатной коробочки». Посыл (*слово, мысль, побуждение — неважно*), нечто выходящее за рамки понимания «коробочкой», нечто, что снесло в этой «коробочке» все её «вкопанные» системы координат. А дальше организм сделал

то, что сделал.

Бункерный матрос Григорьич находился в море. Но совсем не в условиях греческого балкера под приличным флагом. Это было гнилое ведро русского рыбпрома, место которого уже на тот момент было в музее. Лишь силами экипажа этот музей оставался на плаву, вполне успешно выполняя рейсовые задания. Невзирая на условия и многие факторы. Даже не вспоминая о том, что все работают без выходных и праздников месяцами. Это в порядке вещей, также как в порядке вещей и постоянная качка, которой может не быть лишь пару дней в месяц, но это не точно.

А для полного понимания специфики приведу один эпизод. Случился в МО небольшой инцидент, пустячный. Но выяснилось, что в аптечке МО нет ни йода, ни зелёнки. Скажу больше: там не было вообще ничего. Только пустой ящик, всё. Дед говорит: «Ну поднимись к докторине, у неё в очурах по-любому есть, возьми, скажи, дед в машину попросил». Ну ок, поднялся, передал запрос. Докторина, бальзаковская женщина, говорит: «Охх... Даже не знаю, тут матросы приходили, тоже спрашивали, как бы не последнее забрали. Ну пошли посмотрим».

Сначала смотрели в кабинете. Это небольшое пространство типа каюты, но напичканное столами-тумбочками. Там

она ничего не нашла: «Пошли в амбулаторию». Амбулатория — это большое помещение с двумя кушетками и кучей больших напольных и навесных шкафов по всему периметру. Она стала открывать их один за другим, при этом не закрывая, видимо для пущей убедительности. И что же было в этих шкафах? Там не было ничего. От слова вообще. Ни в одном. Голые ящики. По итогу, она посетовала, что машина осталась без зелёнки, и я ушёл. Пц, конец фильма.

Вот в таких условиях и произошёл инцидент с бункерным матросом Григорьичем. Дородный мужчина предпенсионного возраста работал на рыбной фабрике в смене обработки бункерным. Кто не знает: это матрос, который регулирует подачу улова из бункера на конвейер фабрики. Весёлый добродушный дядька. Но однажды по судну прошёл слух, что Григорьича поместили в амбулаторию, по всем признакам у него инсульт. Признаки были ужасные. Говорили, что он не выговаривает слова, ни хрена не слышит, не ходит и не узнаёт людей.

Отчасти это взволновало народ ещё и потому, что смутно замаячил берег и заход в порт. Ремарка: пардон, что не сообщил, что рыбаки вообще не сходят на берег. Снабжение, бункеровка (*топливозаправка*) и перегрузы (*сдача улова на судно-перегрузчик*) — всё происходит в море. То есть порядок такой: набрали экипаж — покинули порт, вышли в рейс.

Через 6, 8, 10 или 12 месяцев рейс закончился — вернулись в порт. Промежуточных заходов в порты нет. Или бывают крайне редко, лишь по экстренной необходимости.

Именно такая необходимость и имела место. Так думали все, и думать по-другому ни у кого не получалось. Это человеческая жизнь, несопоставимая ни с рыбьими хвостами, ни с тоннами улова. Григорыча должны спасти! Так думали мы все... До Петропавловска было четыре дня пути. Но мы туда не пошли. А что же мы делали? Мы продолжили ловить и морозить рыбу. В руководстве этой шаражки посчитали, что это важнее. Вот так.

Здесь стоит немного отвлечься. Сейчас студентам больше не преподают диалектику. А зря. Ведь, получая представление о гибких свойствах материального мира, люди всегда идут дальше. Потому что это знание не конечно, но интересно. Оно работает как акселератор для появления новых вопросов. Ответы на которые могут оказаться и вне структуры закреплённого за индивидом «био-процессора». В том числе и ответ на вопрос: как работает «бумеранг» в человеческих взаимоотношениях? Ведь это работает, работало и будет работать. Более того, это обстоятельство известно людям столько же веков, сколько существуют и они сами. Игнорировать просто глупо.

Но вернёмся к бункерному. Далее произошло то же самое, что описано в эпизодах выше. Необъяснимое. Даже не так. Данное событие попадает уже под термин «чудесное». Но ничего фантастического здесь нет. Да, в медицине есть признанные и обоснованные самой жизнью догмы. Бесспорно. Но если кто-то, когда-то, безусловно великие умы, хорошо описали новые медицинские постулаты, это не значит, что всё мироздание тут же им и подчинилось, уместив себя в обозначенные рамки. Нет, конечно. Мироздание никогда не уместить ни в какие рамки. Соотносительно человеческой сущности — тем более. «Мир так велик, что в нём нет ничего, чего бы не могло быть», — это знали ещё древние. Эта история лишь ещё один подлинный аргумент.

А бункерный матрос Григорьич так и лежал, покачиваясь на шконке, в судовом лазарете — в окружении пустых шкафов, в которых не было даже зелёнки. Судовой врач делала всё возможное. Заход в порт ради него отменялся. До конца рейса ещё несколько месяцев... Что ему тогда напевал ветер за люмиком (*иллюминатором*)? Что-то до жути тоскливое? Скорее нет. Одному ему ведомо. Но что-то такое, от чего он, без лекарств и процедур, меньше чем через месяц начал двигаться и разговаривать. Дальше больше. Сначала с трудом, но он стал самостоятельно ходить питаться в столовую команды. А дальше (ну здесь барабанная дробь) он вышел на смену и встал за свой бункер. Мда.. Лежа недвижно в ла-

зарете, под глухой шум машины в недрах парохода да удары волны в борт, он понял одно: «Так не пойдёт!» И тогда просто сказал: «Инсульт, да иди ты на*уй!» Видимо, это был сильный сигнал. Инсульт ушёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.